

Рецензия

УДК 930

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-6>

Царство Польское или Привислинский край?

Рецензия на книгу: Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой / перевод с немецкого К. Левинсона. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с. ISBN 978-5-4448-1199-3

Лариса Михайловна Аржакова,

Институт славяноведения РАН,

Москва, Россия,

larjak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8260-4101>

Larisa M. Arzhakova,

The Institute of Slavic Studies RAS,

Moscow, Russia,

larjak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8260-4101>

Аннотация. В рецензируемой монографии немецкого историка Мальте Рольфа, изданной на русском языке, предложена детальная характеристика административного аппарата имперской власти, сформированного после поражения Январского восстания 1863 г. и просуществовавшего до конца российского господства в польских землях (1915). Особого внимания заслуживает созданный автором монографии коллективный портрет варшавских генерал-губернаторов, учитывая, что имперские элиты Привислинского края ранее не становились предметом специального исследования. Немаловажное значение имеет то, что наблюдения за сложным процессом превращения Царства Польского в Привислинский край позволяют автору всесторонне рассмотреть, по его выражению, «контактные зоны и конфликтные узлы», наиболее явственно выступающие на фоне действующих административных структур.

Ключевые слова: Царство Польское, Привислинский край, имперская власть, российское господство, административные структуры, управленческие стратегии, русская Варшава, Варшава как мегаполис

Для цитирования: Аржакова Л.М. Царство Польское или Привислинский край? *Рецензия на книгу:* Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с. ISBN 978-5-4448-

---

© Аржакова Л.М., 2022

© Arzhakova L., 2022

1199-3 // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 241–273, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-6>

The Congress Kingdom of Poland or the Vistula Land?

Review of Rolf, M. *Pol'skie ziemie pod władzą Petersburga. Od Wiedeńskiego kongresu do Pierwszego światowego wojny* [Polish Lands under the rule of St Petersburg. From the Congress of Vienna to the First World War], translated from German into Russian by K. Levinson. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 576 p. ISBN 978-5-4448-1199-3

Abstract. The monograph under review written by German historian Malte Rolf, published in Russian, offers a detailed description of the imperial administrative apparatus that was formed after the defeat of the January Uprising of 1863 and existed until the end of Russian rule in the Polish lands (1915). The collective portrait of Warsaw governors general, which was created by the author of the monograph, deserves special attention, given that the imperial elites of the Vistula Land have not previously been the subject of special research. Of no small importance is the fact that the observation over the complex process of transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land allows the author to comprehensively consider, as he puts it, the “contact zones and conflict nodes” that stood out most clearly against the background of the existing administrative structures.

Keywords: Kingdom of Poland, Vistula Land, imperial power, Russian domination, administrative structures, management strategies, Russian Warsaw, Warsaw as a megalopolis

For citation: Arzhakova, L.M. “The Congress Kingdom of Poland or the Vistula Land?” *Review of* Rolf, M. *Pol'skie ziemie pod władzą Petersburga. Od Wiedeńskiego kongresu do Pierwszego światowego wojny* [Polish Lands under the Rule of St Petersburg. From the Congress of Vienna to the First World War], translated from German into Russian by K. Levinson. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, ISBN 978-5-4448-1199-3. *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 241–73, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-6>

В 2020 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» в серии «Окраины Российской империи» вышла монография немецкого историка, профессора Ольденбургского университета имени Карла фон Осецкого Мальте Рольфа, уже хорошо знакомого российским читателям и коллегам по цеху.

Когда около десяти лет назад, в 2008 г., на монографию М. Рольфа «Советский массовый праздник» (*Rolf M. Das Sowjetische Massenfest. Hamburg: Hamburger Edition, 2006*) появился отклик в одном из сибирских исторических журналов, автор рецензии позволил себе любопытную оговорку: «Хотя книга опубликована на немецком языке, она настолько оригинальна и интересна, что, на мой взгляд, вполне заслуживает рецензии в российской исторической

периодике»¹. Вообще-то ценность этой книги состояла как раз в том, что, написанная немецким историком, она предлагала читателям особый (почти по определению) взгляд на советские массовые праздники и уже по этой причине способна была привлечь читателей, мотивируя их открыть книгу для себя, воспользовавшись информацией рецензента. В таком своем мнении о книге М. Рольфа рецензент В.И. Исаев оказался не одинок, потому не приходится удивляться тому, что вскоре был предпринят перевод этой книги на русский язык².

Что касается книги 2020 г., то она представляет собой выполненный стараниями Кирилла Алексеевича Левинсона перевод на русский язык монографии М. Рольфа 2015 г. «Имперское господство в Привислинском крае. Королевство Польское в Российской империи (1864–1915)» (*Rolf M. Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)*. München: De Gruyter, 2015). Сразу вызвав оживленные отклики рецензентов³, в ходе позднейших авторских дополнений немецкой версии книга превратилась в расширенную русскую версию. Трудно не заметить, что даже названия немецкой и русской версий отличаются хронологическими рамками и заданной тональностью. Если в первом случае автором акцентировано Российское имперское господство от Январского восстания до 1915 г. (года Великого отступления русской армии и потери Польши), то во втором – предложена эмоционально нейтральная (по крайней мере, внешне) картина пребывания «польских земель под властью Петербурга» в течение целого столетия, «от Венского конгресса до Первой мировой».

¹ Исаев В.И. Рецензия на книгу: Malte Rolf. Das Sowjetische Massenfest. Hamburger Edition. Hamburg, 2006. 454 S. Мальте Рольф. Советский массовый праздник. Гамбург. 2006 (На немецком языке) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2008. Т. 7, № 1: История. С. 260.

² Рольф М. Советские массовые праздники. Москва: РОССПЭН, 2009.

³ См., например: *Golczewski F.* Review of Rolf Malte. Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium 1864–1915 // H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. November, 2015. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2015. URL: <https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=45699> (дата обращения: 25.11.2021); *Schiller-Walicka J.* Recenzja: Malte Rolf (2015): Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915) // Polish-Studies. Interdisciplinary Scholarly information and international communication. URL: <https://www.pol-int.org/pl/node/2057#r5699> (дата обращения: 25.11.2021)

Важно, что авторизованный перевод этой монографии М. Рольфа стал доступен более широкому кругу читателей, тем самым дважды пополнив богатую разноязычную историографию вопроса⁴.

Безусловный интерес читающей публики к этой монографии обеспечен, во-первых, обращением автора к дискуссионной теме (включая по-разному толкуемый польский вопрос), не теряющей своей научной и общественной актуальности, и, во-вторых, справедливыми ожиданиями особого подхода М. Рольфа – как в случае с советскими массовыми праздниками – к заявленной проблеме. Не может не обратить на себя внимания и то, что немецкий историк, до определенного времени тяготевший к истории XX в., с некоторых пор движется – явно не без риска – буквально вспять, что, правда, способно лишь усилить читательский интерес. Избранное М. Рольфом движение во времени заметно отличает его от большинства собратьев по перу, которые предпочитают развивать свое хронологическое продвижение, как правило, в ином направлении.

Монография М. Рольфа охватывает огромный по хронологии и крайне многосложный по содержанию период польской истории, болезненно переплетенной (гораздо в большей степени, чем раньше) с русской историей. Подразделена монография на семь глав, каждая из которых имеет внутреннее дробление, причем, первая глава выступает, и в то же время называется, введением (с. 13–38), где автором выделены шесть тематических полей (с. 18–19, 22, 24–25), а последняя – «Царство Польское и Российская империя: заключение» (с. 490–537), являет собой завершающую часть монографии. Для понимания ключевой идеи книги важно признание самого автора, что «первое и важнейшее» из шести выделенных им тематических полей –

административный аппарат, который царские власти создали после восстания 1863 года, чтобы вернуть себе контроль над взбунтовавшейся провинцией⁵.

Отметив, что «вторую главную тему» для М. Рольфа

образуют структурные признаки имперского административного аппарата в Царстве Польском⁶,

---

⁴ См., например, сравнительно недавние статьи на аналогичную тему: *Урушадзе А., Гром О., Дмитриева Н.* Российская империя и национальные окраины: между теорией самодержавия и практикой управления // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 3. С. 835–853; *Kamusella T.* The Russian Okrainy (Окраины) and the Polish Kresy; objectivity and historiography // *Global Intellectual History*. 2018. Vol. 4. P. 347–368.

⁵ *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. С. 18.

⁶ *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга. С. 19.

тем самым расширяя границы «первого и важнейшего тематического поля», можно определить приоритеты автора. Говоря о «третьем тематическом поле», где на примере Привислинского края автор показывает «имперскую власть как формирующий фактор»⁷, убеждаемся, что его внимание, прежде всего, занимают не столько сами польские земли – пусть под властью Петербурга, сколько деятельность властных структур в польских землях. В «четвертой главной теме книги», которую формируют «представления административных элит о самих себе»⁸, как и в «очерке социального и культурного мира этой имперской публики», представляющем собой «пятую тему книги»⁹, акценты остаются неизменными. Лишь в «шестом тематическом блоке книги» предметом рассмотрения М. Рольфа становится «взаимосвязанность польских земель с другими окраинными территориями России и Петербургом»¹⁰, впервые (в контексте тематических полей) высвечивая собственно польские земли. Иначе говоря, главная роль в книге отведена власти (носителям власти, механизмам власти), что же касается польских земель, где эта власть себя проявляет, то, если ориентироваться на шесть заявленных тематических полей, им в основном достаются роли второго плана.

В своем исследовании М. Рольф демонстрирует решимость поставить «фундаментальный вопрос о формах, структурах и акторах господства над территориями, подвластными многонациональной Российской империи на позднем этапе ее истории», подчеркивая, что «в книге будет описана полная противоречий и конфликтов коммуникация между сановниками и подданными»¹¹. Попутно отметим весьма неожиданный, слабо вяжущийся со специфической терминологией, но неоднократно встречающийся термин, являющийся производным от слова «описание». Так, Рольф в своем исследовании рассчитывает «выявить путем плотного описания ... комплекса взаимодействий» то, что он понимает под особенностями имперского контекста, получить «возможность описать хаотичное нагромождение структур и акторов»¹², у него «целая глава ... посвящена подробному описанию»¹³, «в описываемых событиях проявляется»¹⁴ и т.д.

Предложенный автором подход к проблеме и продиктованная этим подходом структура монографии по-своему логичны. Даже беглого взгляда достаточно для того, чтобы убедиться в соответствии сформулированного во

⁷ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 22.

⁸ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 22.

⁹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 24.

¹⁰ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 25.

¹¹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 15.

¹² Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 17.

¹³ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 18.

¹⁴ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 21.

введении книги тезиса (пусть вопреки названию) – «в центре внимания все же будет Польша после Январского восстания»¹⁵, тому, что центр тяжести исследования лежит именно в третьей главе, наименование которой передает идею тезиса из введения: «Структуры, акторы и сферы российского владычества в Царстве Польском после 1863 года» (с. 125–268). Как раз здесь автор всецело сосредоточен на многогранном процессе трансформации Царства Польского в Привислинский край, но произошла ли трансформация – другой вопрос. Что касается последующих глав, то в них подвергается всестороннему разбору, по существу, тот же процесс: в четвертой главе М. Рольф предлагает ближе посмотреть на «Империю и мегаполис: пример Варшавы» (с. 269–361), в пятой – взглянуть на «Формы имперского общества» (с. 362–403), а в шестой – зафиксировать «Империю в кризисе: Царство Польское в 1900–1914 годах» (с. 404–489). Подходя к седьмой и последней, уже названной главе, обнаруживаем, что внутриимперский процесс трансформации так и остался незавершенным.

Содержание третьей главы, помимо прочего, выдает то, что этот многотрудный процесс (т.е. трансформация данного конкретного образца) недостаточно четко прописан автором в понятийном плане. Выражается это в следующем. Развивая идею/тему превращения Царства Польского в Привислинский край, Рольф почти одновременно сообщает сначала о «реорганизации административной и правовой системы в Царстве Польском после 1864 года», а затем – о реорганизации Привислинского края, которая «представляла собой проявление нового политического интереса»¹⁶. Другими словами, размывая любые границы на понятийном уровне и, похоже, игнорируя этапы решения этой и без того сложной, даже невнятной проблемы, автор заметно ослабляет собственные позиции там, где, казалось бы, его конструктивная задача как исследователя должна была состоять во внесении ясности в давнюю запутанную ситуацию, вызванную разночтением источников. Вместо этого, перенося разночтение из источников в историографию, автор наделяет его всей полнотой прав, тем самым оставляя нерешенной саму проблему. Не менее показателен и другой (увы, не единственный) пример того, когда по воле М. Рольфа Царство Польское и Привислинский край в понятийном плане отождествляются. Так, читаем: «Монарх, таким образом, поставил во главе администрации Привислинского края человека, энергично укрепляющего “русский элемент” в Царстве Польском»¹⁷. Всё это, вместе взятое, способно окончательно поставить в тупик внимательного читателя, который, скорее всего, хорошо помнит, что в главе обещано превращение

¹⁵ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 15.

¹⁶ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 149.

¹⁷ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 159.

Царства Польского в Привислинский край. Однако от первой до последней страницы книги М. Рольф использует термины «Царство Польское» и «Привислинский край» практически как равнозначные, хоть и вспоминает в самом конце об «образовании Привислинского края» после Январского восстания¹⁸.

Впрочем, допущенному М. Рольфом понятийному балансированию нетрудно найти объяснение, имеющее достаточно глубокие корни. Приходится признать, что незавершенность полного преобразования Царства Польского в Привислинский край, не в последнюю очередь, имеет причины ментального порядка, находившие отражение, в том числе, в генетически различном государственно-политическом опыте польского и русского народов, отчасти не готовых, а отчасти не способных к преодолению на практике этой разности своего опыта. Не удивительно поэтому, что автономное образование, возникшее по решению Венского конгресса, для польской историографии всегда остается Королевством Польским («Конгресувкой»¹⁹), и дело здесь вряд ли только в свободе выбора того или иного варианта словоупотребления. Во многом это свидетельство приверженности польских историков традиции, подспудное указание на высокий статус Королевства Польского как государственного образования, именуемого так же, как и в былые времена, Королевством, причем, вне зависимости от особенностей его положения в чуждой по духу и глубинным традициям Российской империи.

Сложившийся, пусть поневоле, в «длинном XIX веке» опыт польско-русского общежития, безусловно, должен подталкивать к значительному расширению проблемного поля исследований, и монография Мальте Рольфа в определенной степени демонстрирует продиктованное недостаточной степенью разработанности вопроса требуемое расширение исследовательского поля. В этом смысле можно считать плодотворной, в частности, попытку автора создать коллективный портрет варшавских генерал-губернаторов, который, наверное, было бы небезынтересно сравнить с серией политических и служебных биографий польских сановников, сделавших карьеру при императоре Николае I и его приемнике²⁰.

В своем намерении персонифицировать сложный процесс превращения Царства Польского в Привислинский край автор по-своему справедливо исходит из того, что

---

¹⁸ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 149.

¹⁹ Kongresówka (пол.) – краткое обозначение Королевства Польского, возникшего после Венского конгресса.

²⁰ Об этом подробнее см.: Андреева Т.В. Трансформация имперской политики в Польше от конституционализма к бюрократической централизации // Вестник СПбГУ. Серия: История. 2020. Т. 65. Вып. 3. С. 722–723.

такой портрет представителей императоров в Царстве Польском – девяти генерал-губернаторов и одного наместника – позволит не только дать сжатый обзор истории петербургского правления в Польше, но и выявить некоторые основные черты, общие для этих “imperial men” при всех разногласиях между ними²¹.

Наблюдения над текстом убеждают, что, опираясь на твердую почву архивных материалов, Рольф чувствует себя вполне уверенно, когда детально характеризует деятельность варшавских генерал-губернаторов и десяти губернаторов в Царстве Польском (с. 163–166, 172–215). Попутно отметим, что сюжеты, связанные с реконструкцией биографий представителей правящей элиты Царства Польского, строивших свою карьеру вдали от имперского центра, получили высокую оценку рецензентов немецкой версии монографии М. Рольфа²².

Утверждение автора, что всех представителей правящей элиты Царства Польского объединяло осознание собственной роли и

сословная солидарность государевых слуг, и родственность образа мыслей, формировавшаяся в пространствах опыта, заданных очень похожими карьерами²³,

выглядит вполне убедительно. Предпринятый М. Рольфом анализ деятельности высшей имперской администрации и других имперских чиновников в Царстве Польском достаточно органично сочетается в этой главе как с характеристикой различных сфер внутренней жизни польского общества (включая подпольную деятельность и трансграничную коммуникацию), так и с характеристикой управленческой структуры Царства Польского (от царской цензуры до религиозной политики).

Очередная глава монографии, где «рассматривается роль, которую царские чиновники сыграли в трансформации Варшавы на рубеже XIX–XX веков»²⁴, также, что называется, работает на усиление исходной авторской идеи – имперского владычества в польских землях, хоть прямо и не заявленного в русской версии титула книги, но пронизывающего все ее содержание. Именно в данной главе автор тщательно фиксирует «взаимодействие имперской элиты с теми частями варшавского общества, которые участвовали в модернизации

---

²¹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 193.

²² Seegel St. Review of Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915). München: De Gruyter, 2015 // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. Vol. 65 (2016), no. 2. S. 290–291.

²³ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 198.

²⁴ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 270.

города», последовательно приводя примеры, «когда коммуникация внутри этого конфликтного сообщества была особенно плотной»²⁵. Тогда возникает осторожный вопрос: если, по словам автора, на рубеже столетий «сравниться с Варшавой по уровню развития могли только процветающая Рига и – с оговорками – шикарная Одесса»²⁶, не стала ли произошедшая тогда модернизация Варшавы, позволившая городу именовать себя Восточным Парижем²⁷, результатом деятельности «репрессивного режима»²⁸?

На страницах монографии М. Рольфа перед читателями разворачивается картина оживленной городской жизни Варшавы. Констатируя

тесное переплетение интересов и действий чиновников городского управления и представителей варшавского делового мира²⁹,

автор приходит к выводу, что «стигматизация царской власти как тормоза модернизации безосновательна»³⁰, поскольку

имперские чиновники уже давно сами стали частью того города, господство над которым было их должностной обязанностью³¹.

Впрочем, надо учитывать, что совсем небольшой частью. Перепись населения 1897 г., как известно, выявила в Варшаве всего немногим более 7 % русскоязычных жителей, численность которых после 1900 г. даже сократилась, едва достигая 5 % от общей численности населения польской столицы. Этими данными М. Рольф, правда, не ограничивается, ссылаясь на такого знатока варшавской жизни как А.А. Сидоров, утверждавшего, что «с 1864 г. доля русских в городском населении выросла более чем на 30 %», что сделало Варшаву, где численность поляков сократилась почти наполовину, городом «менее “типично польским”»³². Остается гадать, как приведенные сообщения А.А. Сидорова сопрягаются со строгими цифрами переписи населения 1897 г. и другими показателями, которые автор монографии, оставивший без комментария явные численные нестыковки, приводит на одной и той же странице. Излишне говорить, что все это вместе взятое заметно искажает

---

²⁵ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 271.

²⁶ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 277.

²⁷ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 270.

²⁸ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 528.

²⁹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 343.

³⁰ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 357.

³¹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 360.

³² Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 373.

воображаемую М. Рольфом картину жизни русской общины в Варшаве (с. 372, 374–376).

Особый интерес в контексте русско-польского ментального диалога, в большей или меньшей мере передаваемый М. Рольфом, вызывает следующая часть его монографии, где охарактеризовано «имперское общество» как гетерогенное образование, «в которое входил широкий спектр профессиональных, сословных и статусных групп»³³. Как звенья одной цепи, данную главу правомерно рассматривать как логическое/смысловое продолжение предыдущей, посвященной Варшаве, с той лишь разницей, что в данном случае акцент сделан на особенностях культурной жизни «русской Варшавы», протекавшей в условиях «полной и повсеместной гегемонии поляков» в культурной сфере³⁴. Естественно, что сюжеты польско-русской и русско-польской коммуникации возникают в монографии перманентно. Больше того, Рольф почти настаивает, что контакты русских с «польской социальной средой» были отнюдь не единичны. В качестве одного из доказательств тому он приводит дневниковые записи Аполлона Бенкевича, свидетельствующие, что их автор «воспринимал “поляков” как “других”, с которыми, однако, в повседневной жизни часто и, как правило, бесконфликтно имел дело»³⁵. Вместе с тем, поскольку, по словам автора,

русские варшавяне считали себя носителями имперской – понимаемой как преимущественно русская – культуры, чье превосходство нужно было продемонстрировать и населению Варшавы <...> они занимались конструированием культурных иерархий, рассчитанных прежде всего на польское население³⁶.

Подойдя к изложению столь важного с точки зрения имперских замыслов, но локального по своему объему в книге сюжета об Императорском Варшавском университете, М. Рольф снабжает свой предельно сжатый очерк истории Варшавского университета и обитания в его пределах русской профессуры солидной историографией вопроса (пусть, что нормально, не исчерпывающей). Таким образом, «русский университетский проект» оказывается удачно вписан в стратегию «передовой линии войны за выживание, в которой главная задача заключалась в том, чтобы отражать постоянную опасность полонизации»³⁷. Трудно не заметить, что декларируемая

³³ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 362.

³⁴ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 378.

³⁵ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 379–380.

³⁶ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 393.

³⁷ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 402.

Рольфом «опасность полонизации» контрастирует с приведенной им ранее этнической структурой населения Варшавы: автор, похоже, не заметил, что преобладание польского населения в Варшаве, о котором он писал, опираясь на данные переписи населения 1897 г., не подкреплялось сообщениями А.А. Сидорова. Даже если не вдаваться в детали того, что сам М. Рольф понимает под «опасностью полонизации», можно предположить, что опасность полонизации для русского населения со стороны польской Варшавы означала не только вполне понятное численное превосходство польского элемента над русским, но именно моральное превосходство влиятельного коренного населения. Тем большее недоумение вызывает используемое автором словосочетание – «население бывшей польской столицы»³⁸, явно принижающее статус Варшавы, которая была и оставалась столицей Королевства (Царства) Польского, лишь номинально получившего наименование Привислинский край. С любой точки зрения уязвимым кажется и другое выражение – «дела бывшего Царства Польского»³⁹, поскольку сам автор так и не смог продемонстрировать обещанное им читателям «превращение Царства Польского в Привислинский край».

Завершающие монографию М. Рольфа две главы в определенной степени можно воспринимать как единое целое, особенно памятуя о том, что последняя из них включает в себя заключение книги. Пожертвовав первыми пятью годами столетия, будто не имеющими особого отношения к тому, что вскоре потрясет империю, автор преимущественное внимание здесь сконцентрировал на революции 1905–1907 гг. в Царстве Польском, а точнее на том, как итоги революции отразились на положении польских земель под властью Петербурга. Как отмечено автором, в условиях партийно-политических разногласий внутри польского общества и усиления противоборства польских социалистов с имперским центром, варшавский генерал-губернатор

был заинтересован в том, чтобы вступить в контакт с частями польского общества, которые поддерживали по крайней мере отход от вооруженной борьбы против имперского господства⁴⁰.

Впрочем, спешит напомнить Рольф, нельзя оспаривать того факта, что

и после Октябрьского манифеста между представителями петербургского режима и польскими национал-демократами сохранялась заметная дистанция⁴¹.

---

³⁸ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 272.

³⁹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 153.

⁴⁰ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 444.

⁴¹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 443.

Наряду с этим он считает нужным подчеркнуть не только «терпимость имперских властей – они почти не препятствовали деятельности эндеции»⁴², но и то, что

царские власти допускали удивительно открытые дебаты о реформах, необходимых для того, чтобы справиться с проблемами, стоящими перед краем⁴³.

Переключаясь с политических баталий на мирные дела, автор разворачивает перед читателями панораму происходивших в Царстве Польском преобразований, от послабления «в области печати и издательского дела» до выдачи «разрешений на создание клубов и обществ, которые не ставили себе открыто политических целей»⁴⁴. На этом основании М. Рольф с полным на то правом утверждает, что «активизация общественности больше не рассматривалась царскими властями как основная угроза существующему порядку»⁴⁵. Так произошло ли, в который раз приходится задавать вопрос, превращение Царства Польского в Привислинский край?

Анализируя положение польских земель под властью Петербурга, М. Рольф достаточно обоснованно констатирует, что

политическая культура, существовавшая в Царстве Польском после 1906 года, никоим образом не способствовала интеграции края в общеимперское целое. <...> Империя как общий контекст почти не становилась предметом рефлексии в польскоязычной прессе последних довоенных лет⁴⁶.

Принимая во внимание приведенные в монографии свидетельства, следует признать, что

у царских чиновников в предвоенные годы крепло понимание того, что, хотя Привислинский край и замирен в военном отношении, все же дальнейшее его объединение или тем более органическое слияние с российскими землями едва ли возможно⁴⁷.

Оценка М. Рольфом манифеста великого князя Николая Николаевича от 1 августа 1914 г., документа по-своему любопытного, но свидетельствующего

---

⁴² Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 448.

⁴³ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 450.

⁴⁴ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 451.

⁴⁵ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 453.

⁴⁶ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 485.

⁴⁷ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 485–486.

разве что о противоречивости ситуации, сложившейся вокруг попыток решения польского вопроса в условиях военного времени⁴⁸, вряд ли способна вызвать возражения.

Рассматривая ситуацию с точки зрения имперского чиновника, М. Рольф, оставляя в стороне отдельные эпизоды контактов в конфликтном сообществе, вынужден признать, что

Привислинский край и западные губернии представляли собой пространства, характеризующиеся национальным антагонизмом, где тоpos “мятежного поляка” превратился в реальность, подкрепляемую повседневным опытом службы⁴⁹.

Подводя итоги своего исследования и рассматривая монархию Романовых сквозь призму *новой имперской истории*, автор – без лишних слов – предпочитает подчеркивать то, что в равной мере «применительно к отношениям между центром и периферией в колониальных и великих державах»⁵⁰.

Безусловно, предпринятое М. Рольфом исследование во многом обнаруживает органичное содержательное единство, но это отнюдь не означает, что оно свободно от хаотичности и эклектичности изложения (лишенной привлекательности, какая свойственна, например, эклектике в архитектуре). Очевидные слабости и просчеты главным образом сконцентрированы во второй главе, предшествующей основному содержанию книги: «Установление российского владычества над восточной частью разделенной Польши (1772–1863)» (с. 39–124). Особое внимание приковывают к себе, в частности, хронологические рамки, сдвинутые автором вниз не только по сравнению с исходной немецкой версией книги (1864–1915), но даже по сравнению с прописанным на титуле наименованием расширенной русской версии, а именно – «от Венского конгресса до Первой мировой». Конечно, достаточно смелый ход, избранный автором монографии, налагает на него повышенную ответственность, ведь пребывая, насколько можно судить, в пределах не самого близкого ему по духу XVIII в., он касается сложнейшей эпохи, расшифровкой замысловатого кода которой занималось не одно поколение польских (и не только) историков. Будучи прекрасной и трагической одновременно, эта эпоха, поэтически именуемая «Станиславовской», насыщенная энергичными исканиями и немалыми успехами деятелей польского Просвещения во главе с королем Станиславом Августом, тем не менее, вобрала в себя один за другим

---

⁴⁸ Аржакова Л.М. Польский вопрос в 1914 году (по «Запискам...» Г.Н. Михайловского) // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2012. Вып. 4. С. 68.

⁴⁹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 522.

⁵⁰ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 529.

разделы Речи Посполитой, обусловившие восприятие ее в польской исторической памяти как травмы⁵¹.

Есть ли основания говорить, что ожидания читателя оправдались и немецкому автору удалось высветить новые, значимые черты этой внутренне противоречивой, с трудом поддающейся четким характеристикам, эпохи польской истории? Определенно, нет. Уже первая часть этой главы, занимающая менее двадцати страниц из почти шестисот страниц текста монографии: «Период разделов, Варшавское Герцогство и Венский конгресс (1772–1815)» (с. 40–58), – вызывает не просто вопросы, а протест. Как знать, что подразумевал (и чего ожидал) А.И. Миллер, когда неосторожно предложил своему немецкому коллеге «включить в книгу и разделы о более ранних этапах российского господства на территории прежней Польско-Литовской шляхетской республики»⁵²? Да и с какого времени следует вести отсчет российского господства в польско-литовских землях?⁵³ Так или иначе, в результате столь широкого хронологического и тематического охвата М. Рольфу не удалось, как он предполагал, «представить гораздо более полную картину истории разделенной Польши под управлением Петербурга»⁵⁴. Не имея под собой твердой источниковой базы и широкой историографической основы, данная глава носит исключительно вторичный характер. По всему видно, что эксперимент, окончившийся для автора неудачей, во многом ставит под сомнение справедливость наблюдения И.В. Нарского: формат второй главы монографии не позволяет согласиться с тем, что,

отказываясь от традиционного для старых национальных историй линейного, иллюзорно целостного и последовательного изложения, М. Рольф избирает “ситуативный подход”⁵⁵.

---

⁵¹ Васильев А.Г. Мемориализация травмы в культурной памяти: «падение Польши» в польской историографии XIX века // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад* / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Кругъ, 2010. С. 813–843; Васильев А.Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // *Кризисы переломных эпох в исторической памяти* / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 215–248; Васильев А.Г. «Истоки» и «разделы»: событие и память в польском историческом гранд-нарративе эпохи разделов // *Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века* / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Аквилон, 2018. С. 385–418.

⁵² Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 7.

⁵³ См., например: Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. Москва: Индрик, 2004.

⁵⁴ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 7.

⁵⁵ Нарский И.В. О роли символического измерения исторического процесса: читая книгу Мальте Рольфа о польских землях под властью Петербурга // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2020. Вып. 4 (51). С. 157.

Больше того, судя по изначальному тяготению М. Рольфа охватить «”всю” историю Царства Польского под властью России»⁵⁶, он совсем не склонен так уж безоговорочно отказываться от «иллюзорно целостного и последовательного изложения» в пользу ситуативного подхода, – напротив. И дело не только в том, что компактная (максимально избранная) историография, на которую автор опирается в этой главе, содержит немало лакун и не спасает положения. Казалось бы, исходная обращенность Рольфа к иным сюжетам и временам, полностью освобождала его от погружения в другие проблемы, не связанные напрямую с теми, что заявлены в монографии, но он не избежал соблазна «иллюзорно целостного и последовательного изложения». Заинтересованный читатель был вправе ожидать от новой монографии, готовой занять свое место в огромной историографии истории Польши и истории России XIX – начала XX вв., нового, сугубо авторского взгляда, авторских наблюдений, авторских размышлений, и эти ожидания, пожалуй, во многом были вознаграждены. Но вряд ли он ожидал, что здесь же, в солидной монографии, ему напомнят годы разделов Речи Посполитой, а затем скороговоркой скажут о каждом из них. Едва коснутся Семилетней войны, коварных планов союза «трех черных орлов», в двух словах поведают об обстоятельствах восшествия на престол Станислава Августа, удачах и неудачах последнего польского короля, о первом Великом польском восстании во главе с Костюшкой, о принципе *liberum veto*, которому Владислав Конопчинский в свое время посвятил монографию (Краков, 1918). И все это – на 8 страницах (с. 40–48)...

Помимо прочего, немалый протест вызывают такие небесспорные по смысловой нагрузке тезисы, как: «предварительная стадия раздела Польши»⁵⁷, «инициатива проведения совместной стратегии, направленной на раздел Польши, ... исходила в первую очередь от Пруссии»⁵⁸, «способ поддерживать Польшу в состоянии агонии»⁵⁹, «оккупация и интеграция польских территорий»⁶⁰. В подобном ключе автор излагает и дальнейшее развитие событий – когда после разделов Речи Посполитой пунктирно упоминает Варшавское Герцогство вместе с Наполеоном (с. 50–58), сразу переходя к Венскому конгрессу и его решениям (с. 58–84). Только приближение середины века вселяет уверенность в автора, как видно, с облегчением готового отвернуться от бурных событий XVIII в. и его трагических для поляков последствий.

Надо ли было раздвигать хронологические границы, не наполняя образовавшееся пространство оригинальным содержанием? Скорее всего, нет.

---

⁵⁶ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 7.

⁵⁷ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 41.

⁵⁸ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 43.

⁵⁹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 44.

⁶⁰ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 49.

Тем более, что это не добавляет оснований говорить об авторе рецензируемой монографии, что тот принадлежит «к тому все реже встречающемуся типу ученых, которые свободно чувствуют себя более чем в одной области знаний»⁶¹, как в свое время отозвался о Томаше Камуселле Н.Б. Вахтин. Достаточно того, чтобы автор был безупречен в своей области. И, разумеется, проявляя уважение к читателю и коллегам, был бы безупречен при оформлении библиографии, которая требует к себе более внимательного отношения, поскольку в ней встречается (дублируя неточности сносок) дезориентирующая читателей информация. Так, отметим, что автором монографии о Фаддее Булгарине является П. Глушковский и Л.Е. Горизонтов его соавтором не был, как это указано в библиографическом списке⁶², в то время как М. Кулик является не автором «Польши и России в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830»⁶³, а лишь рецензентом этого капитального коллективного труда; и, что досадно, в представленной библиографии не найти знаковой отечественной монографии, посвященной разделам Польши⁶⁴...

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что упущения в историографии в нашем глобальном мире почти неизбежны. Как иронично написал К. Шарль, откликнувшись на сборник «Глобальная интеллектуальная история» (2013):

Глобальная история, интеллектуальная или нет, будет существовать только в том случае, если цитируемые научные труды не будут сводиться к тем, которые есть на английском языке, и лишь к трудам, которые имеются в американских библиотеках, какими бы богатыми они ни были⁶⁵.

Впрочем, отрадно, что Мальте Рольф в целом успешно преодолел сопротивление встречного течения реки времени, когда начал движение в обратном направлении, оттолкнувшись от XX столетия. Несмотря на то, что по целому ряду вопросов декларируемые автором тезисы спорны, его монография являет собой опыт глубокого анализа управленческих стратегий и практик генетически чуждой власти, каковой выступал Петербург в польских землях.

---

⁶¹ Вахтин Н.Б. Рецензия на: Tomasz Kamusella. The Politics of language and nationalism in modern central Europe. Houndmills; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008 // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 337–338.

⁶² Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 540.

⁶³ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 541.

⁶⁴ Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. Москва: Международные отношения, 2002; см. также: Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой / ответственный редактор Б.В. Носов. Москва: Институт славяноведения РАН, 1999.

⁶⁵ Charle C. Review of Global Intellectual History / ed. by S. Moyon, A. Sartori. New York: Columbia University Press, 2013 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2017. Vol. 64–3. Is. 3. P. 219–221.

In 2020, as part of the *Okrainy Rossiiskoi imperii* [Outskirts of the Russian Empire] series, *Novoe Literaturnoe Obozrenie* published a monograph by Malte Rolf, a German historian, a professor at the Carl von Ossietzky University of Oldenburg, who is already well known to Russian readers and fellow colleagues.

About ten years ago, in 2008, the review of the monograph *Das Sowjetische Massenfest* [Soviet Mass Festivals] (Hamburg: Hamburger Edition, 2006) by Malte Rolf appeared in one of the Siberian historical journals. The author of the review took a liberty of making an interesting remark: “Although the book was published in German, it is so original and interesting that, in my opinion, it deserves to be reviewed in Russian historical periodicals.”¹ The value of this book was precisely in the fact that, written by a German historian, it offered the readers a special (almost by default) view of the Soviet mass festivals and for this reason alone was able to attract readers and motivate them to discover the book for themselves by using the reviewer’s information. The reviewer, V. Isaev, was not the only one to have that opinion about the book by Malte Rolf, and therefore it is not surprising that this book was soon translated into Russian.²

As for the book of 2020, it is a Russian translation of M. Rolf’s 2015 monograph *Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)* [Imperial Domination in the Vistula Land. Kingdom of Poland in the Russian Empire (1864–1915)] (München: De Gruyter, 2015) made by Kirill A. Levinson. The book, which has immediately evoked lively responses from

¹ V.I. Isaev, Review of *Das Sowjetische Massenfest* by Malte Rolf, Hamburg, Hamburger Edition, 2006 [in Russian], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya*, vol. 7, no. 1, *Istoriya* (2008): 260.

² M. Rolf, *Soviet mass festivals* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2009).

reviewers,³ actually turned into an expanded Russian version in the course of the further author's additions to the German version. It is hardly possible to miss the fact that even the titles of the German original and the Russian translation differ in chronological frames and tonality. In the first case the author emphasizes the Russian imperial domination from the January Uprising till 1915 (the year of the Great retreat of the Russian army and the loss of Poland). In the second case the author proposes an emotionally neutral (at least outwardly) picture of the stay of "Polish lands under the rule of St Petersburg" for a whole century, "from the Congress of Vienna to the First World War." It is important that the authorized translation of this monograph by Malte Rolf has become available to a wider circle of readers, thereby adding twice as much to the rich multilingual historiography of the issue.⁴

Unconditional interest of the reading public in this monograph is ensured, firstly, by the author's reference to the debatable topic (including the Polish question, which is interpreted in different ways) that has not lost its scientific and social relevance and, secondly, by fair expectations of Malte Rolf's special approach to the problem, as was the case of *Soviet Mass festivals*. It cannot escape our attention that the German historian, who has been attracted to the history of the twentieth century until recently, has been moving literally backwards in time, obviously taking some risks, which, however, can only enhance the readers' interest. The movement in time chosen by Malte Rolf noticeably distinguishes him from most of his fellow writers who prefer to develop their chronological advance in the opposite direction.

The monograph by M. Rolf covers the chronologically huge and extremely complex period of Polish history that is painfully intertwined (to a much greater extent than it was earlier) with Russian history. The monograph is divided into seven chapters, each of which has an internal subdivision. The first chapter, in which the author identified six thematic fields (pp. 18–19, 22, 24–25), is entitled "Introduction" (pp. 13–38), and the last chapter, "The Kingdom of Poland and the Russian Empire: Conclusion" (p. 490–537) is the final part of the monograph. In order to understand

---

³ See, e.g., F. Golczewski, "M. Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland," review of *Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium 1864–1915* by Malte Rolf, Berlin, de Gruyter Oldenbourg, 2015, H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews, November, 2015, accessed November 25, 2021, <https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=45699>; J. Schiller-Walicka, Recenzja: Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915), *Polonoznawstwo Interdyscyplinarne (Pol-Int)*, 2015, accessed November 25, 2021, <https://www.pol-int.org/pl/node/2057#r5699>.

⁴ See, e.g., relatively recent articles on a similar topic: A. Urushadze, O. Grom, and N. Dmitrieva, "The Russian Empire and the national periphery: between the theory of autocracy and management practices" [in Russian], *Quaestio Rossica*, vol. 6, no. 3 (2018): 835–53; T. Kamusella, "The Russian Okrainy (Окраины) and the Polish kresy: objectivity and historiography," *Global Intellectual History*, vol. 4 (2018): 347–68.

the key idea of the book, it is important to take into account the fact that the author himself admits that “the first and foremost” of the six thematic fields is

the administrative apparatus that the tsarist authorities created after the uprising of 1863 in order to regain control over the rebellious province.⁵

It is possible to determine the author’s priorities by noting that the “second main topic” for Malte Rolf

is formed by the structural features of the imperial administrative apparatus in the Congress Kingdom of Poland,⁶

thereby expanding the boundaries of the “first and foremost thematic field.” Speaking about the “third thematic field,” where the author shows “imperial power as a forming factor” using the example of the Vistula Land,⁷ we are convinced that his attention is occupied not so much by the Polish lands themselves (even under the rule of St Petersburg) as by the activities of the power structures in the Polish lands. The emphasis remains the same in the “fourth main theme of the book” covering the “views of the administrative elites about themselves”⁸ and in the “sketch of the social and cultural world of this imperial public” that constitutes the “fifth theme of the book.”⁹ “The interconnection of Polish lands and other borderline territories of Russia with St Petersburg”¹⁰ becomes the subject of Malte Rolf’s consideration only in the “sixth thematic block of the book,” highlighting the Polish lands themselves for the first time (in the context of thematic fields). In other words, the main role in the book is assigned to the authorities (power holders and mechanisms of power). As for the Polish lands where this power manifests itself, if the focus is placed on the six declared thematic fields, they basically get supporting roles.

In his research, M. Rolf demonstrates his determination to raise “the fundamental question of the forms, structures and actors of domination over the territories subject to the multinational Russian Empire at the later stage in its history,” emphasizing that “the book will *describe* communication between high officials and their subjects, full of contradictions and conflicts.”¹¹ Along the way, let us point out the unexpected term *describe* and its derivatives, which are poorly connected with specific

---

⁵ M. Rolf, *Polish lands under the rule of St Petersburg. From the Congress of Vienna to the First World War* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020), 18.

⁶ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 19.

⁷ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 22.

⁸ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 22.

⁹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 24.

¹⁰ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 25.

¹¹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 15.

terminology but are used more than once. For instance, in his research, Rolf expects to reveal the peculiarities of the imperial context “by means of a comprehensive *description* of a complex of interactions,” to get “the possibility to *describe* a chaotic accumulation of structures and actors;”¹² he has a whole chapter “dedicated to a detailed *description*,”¹³ “the events *described* reveal,”¹⁴ and so on.

The author’s approach to the problem and the structure of the monograph dictated by this approach are logical in their own way. Even a cursory glance is enough to realize that the thesis formulated in the introduction (albeit contrary to the title) – “the focus will still be on Poland after the January Uprising”¹⁵ – corresponds to the fact that the center of gravity of the study lies precisely in the third chapter, “Structures, actors, and spheres of the Russian dominion in the Kingdom of Poland after 1863” (pp. 125–268), the title of which conveys the thesis declared in the introduction. It is here that the author is entirely focused on the multifaceted process of transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land, but whether the transformation actually took place is another question. As for the subsequent chapters, they comprehensively analyze essentially the same process: in the fourth chapter, M. Rolf offers to take a closer look at “Empire and the Metropolis: the Example of Warsaw” (pp. 269–361); in the fifth chapter, to look at the “Forms of Imperial Society” (pp. 362–403); in the sixth chapter, to focus attention on “The Empire in Crisis: Kingdom of Poland in 1900–1914” (pp. 404–489). Coming to the last, seventh chapter that had already been mentioned above we find that the intra-imperial process of transformation remained incomplete.

The content of the third chapter, among other things, reveals the fact that this laborious process (that is, the transformation of this particular type) is not clearly described by the author in conceptual terms. This is expressed in the following facts. Developing the idea/topic of the transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land, M. Rolf almost simultaneously informs the readers about the “reorganization of the administrative and legal system in the Kingdom of Poland after 1864” and about the reorganization of the Vistula Land, which “was a manifestation of a new political interest.”¹⁶ In other words, by blurring any boundaries at the conceptual level and, seemingly, ignoring the stages of solving this already complex, even indistinct problem, the author noticeably weakens his own positions where his constructive task as a researcher would be to clarify the long-standing confusing situation caused by alternative interpretation of the sources. By transferring the discrepancies in the interpretation of sources into historiography, the author gives it

---

¹² Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 17.

¹³ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 18.

¹⁴ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 21.

¹⁵ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 15.

¹⁶ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 149.

full rights, thereby leaving the problem itself unresolved. No less indicative is another example (alas, not the only one) of when by the will of M. Rolf, the Congress Kingdom of Poland and the Vistula Land are conceptually identified. We can read: “Thus, the person who actively strengthened the ‘Russian element’ in the Congress Kingdom of Poland was put at the head of the Vistula Land administration by the monarch.”¹⁷ All this taken together can confuse an attentive reader, who most likely remembers well that the chapter promised the transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land. However, from the first to the last pages of the book, Rolf uses the terms *the Congress Kingdom of Poland* and *the Vistula Land* as equivalents, although at the very end of the book he recalls the “formation of the Vistula Land” after the January Uprising.¹⁸

However, it is not difficult to find an explanation to M. Rolf’s balancing of concepts, which has rather deep roots. We have to admit that the incompleteness of the transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land had reasons of mental nature, which, among other things, were reflected in the genetically different state-political experience of the Polish and Russian peoples, who were partly not ready for and partly not capable of overcoming this difference in their experience in practice. Therefore, it is not surprising that the autonomous formation that emerged by the decision of the Congress of Vienna will always remain the Congress Kingdom of Poland (*Kongresówka*¹⁹) in Polish historiography, and the point here is hardly just the freedom to choose one or another version of word usage. In many ways, this is evidence of the adherence of Polish historians to tradition, a latent indication of high status of the Kingdom of Poland as a state entity, which is referred to as the Kingdom in the same way as in the old days, regardless of the peculiarities of its position in the Russian Empire, alien to it in spirit and in deep traditions.

The experience of the Polish-Russian communal life that formed, albeit involuntarily, in the Long Nineteenth Century should undoubtedly encourage a significant expansion of research problems, and Rolf’s monograph to a certain extent demonstrates the required expansion of the research field, dictated by an insufficient degree of elaboration of the issue. In this sense, the author’s attempt to create a collective portrait of Warsaw governors general can be considered fruitful. Perhaps, it would be interesting to compare this portrait with a series of political and official

---

¹⁷ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 159.

¹⁸ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 149.

¹⁹ Kongresówka (Polish) is a short designation of the Kingdom of Poland, which emerged after the Congress of Vienna.

biographies of Polish noblemen who made their careers under Emperor Nicholas I and his successor.²⁰

In his intention to personify the complex process of the transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land, the author quite justifiably proceeds from the fact that

such a portrait of the emperors' representatives in the Kingdom of Poland – nine governors general and one viceroy – will make it possible not only to give a brief overview of the history of St Petersburg's rule in Poland but also to reveal some of the main features that were common to these 'imperial men' despite disagreement between them.²¹

Observations of the text convince us that, relying on the firm foundation of archival materials, M. Rolf feels quite confident when he characterizes in detail the activities of Warsaw governors general and ten governors in the Congress Kingdom of Poland (pp. 163–66, 172–215). In addition, let us note that the storylines related to the reconstruction of the biographies of the members of ruling elite of the Congress Kingdom of Poland who built their careers far from the imperial center were highly appreciated by the reviewers of the German version of M. Rolf's monograph.²²

The author's statement that all representatives of the ruling elite of the Congress Kingdom of Poland were united by the awareness of their own role and

the class solidarity of the sovereign's servants and the likeness of the way of thinking that was formed in the spaces of experience predetermined by very similar careers²³

looks quite convincing. The analysis of the activities of the supreme imperial administration and other imperial officials in the Congress Kingdom of Poland undertaken by M. Rolf is quite organically combined in this chapter both with description of various spheres of the internal life of Polish society (including underground activities and cross-border communication) and with characteristics of

---

²⁰ For more detail, see T.V. Andreeva, "Transformation of imperial politics in Poland from constitutionalism to bureaucratic centralization" [In Russian], *Vestnik SPbGU. Istoriya*, vol. 65, no. 3 (2020): 722–23.

²¹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 193.

²² St. Seegel, "Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland," review of *Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)* by Malte Rolf, De Gruyter, München, 2015, *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, vol. 65, no. 2 (2016): 290–91.

²³ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 198.

the administrative structure of the Congress Kingdom of Poland (from tsarist censorship to religious policy).

Another chapter of the monograph, which “examines the role that the tsarist officials played in the transformation of Warsaw at the turn of the 19th–20th centuries”²⁴ also works to strengthen the author’s initial idea of imperial rule in the Polish lands, which runs through the entire book, although it was not directly stated in the Russian version of the title. It is in this chapter that the author thoroughly captures “the interaction of the imperial elite with those parts of Warsaw society that participated in the modernization of the city,” consistently giving examples of “the density of communication within this conflict community.”²⁵ But a cautious question arises here. According to the author, “only prosperous Riga and, with reservations, chic Odessa could compare with Warsaw in terms of the level of development”²⁶ at the turn of the centuries. Was the modernization of Warsaw, which allowed the city to call itself Eastern Paris,²⁷ not the result of the activities of the “repressive regime”?²⁸

In the pages of M. Rolf’s monograph, a picture of the vibrant city life of Warsaw unfolds before the readers. Acknowledging

close interweaving of interests and actions of city administration officials and representatives of the Warsaw business world,²⁹

the author comes to the conclusion that “stigmatization of the tsarist power as a brake on modernization is baseless”³⁰ because

the imperial officials themselves had long before become part of the city the dominion over which was their official duty.³¹

However, it must be taken into account that this part was really small. It is known that the population census of 1897 revealed only slightly more than 7% of Russian-speaking residents in Warsaw, and their number even decreased after 1900 to barely reach 5% of the total population of the Polish capital. However, M. Rolf does not limit himself to these data, referring to such a connoisseur of Warsaw life as A. Sidorov, who argued that “since 1864, the share of Russians in the urban

---

²⁴ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 270.

²⁵ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 271.

²⁶ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 277.

²⁷ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 270.

²⁸ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 528.

²⁹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 343.

³⁰ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 357.

³¹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 360.

population had increased by more than 30%,” making Warsaw, where the number of Poles had declined almost by half, a city “less ‘typically Polish’.”³² The reader can only guess how the cited data of A. Sidorov’s are matched with the strict figures of the 1897 census and other indicators, which the author of the monograph cites on the same page while leaving obvious numerical inconsistencies without comment. Needless to say that all this taken together noticeably distorts the picture of the life of Russian community in Warsaw as it was conceived by M. Rolf (pp. 372, 374–76).

Of particular interest in the context of the Russian-Polish mental dialogue is the next part of M. Rolf’s monograph, where the “imperial society” is characterized as a heterogeneous entity that “included a wide range of professional, class, and status groups.”³³ Like a link in the chain, this chapter can be considered as a logical/semantic continuation of the previous one, which was dedicated to Warsaw, the only difference being that in this case the emphasis is laid on the peculiarities of the cultural life of “Russian Warsaw” under the conditions of “complete and widespread hegemony of Poles” in the cultural sphere.³⁴ It is quite natural that the storylines of Polish-Russian and Russian-Polish communication appear in the monograph all the time. Moreover, Rolf almost insists that the contacts of Russians with the “Polish social environment” were by no means sporadic. As proof, he cites the diary entries of Apollon Benkevich, proving that their author “perceived ‘Poles’ as ‘others’, with whom, however, he often dealt in everyday life without conflict.”³⁵ At the same time, according to the author,

Since the Russian residents of Warsaw considered themselves to be the bearers of the imperial – understood as predominantly Russian – culture, superiority of which had to be demonstrated to the population of Warsaw, . . . they were engaged in the construction of cultural hierarchies designed primarily for the Polish population.³⁶

Approaching the topic of the Imperial University of Warsaw, which was important from the point of view of imperial intentions but “local” by its scope in the book, M. Rolf supplies his extremely concise sketch of the history of the University of Warsaw and the Russian professors within it with considerable historiography of the issue (albeit not exhaustive, which is quite normal). Thus, the “Russian university project” is successfully integrated into the strategy of “the front line of the war for survival, the main task of which was to resist the constant danger of polonization.”³⁷

---

³² Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 373.

³³ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 362.

³⁴ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 378.

³⁵ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 379–80.

³⁶ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 393.

³⁷ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 402.

It is hard not to notice that the “danger of polonization” declared by Rolf contrasts with the ethnic structure of the population of Warsaw cited earlier: it seems that the author did not notice that the predominance of the Polish population in Warsaw, which he wrote about based on the data of the 1897 census, was not proved by A. Sidorov’s information. Even without going into details of what Malte Rolf means by the “danger of polonization,” it can be assumed that in addition to numerical superiority of the Polish element over Russians, the danger of polonization for the Russian population in the Polish Warsaw meant moral superiority of the influential indigenous population. Even more perplexing is the phrase “the population of the former Polish capital”³⁸ clearly belittling the status of Warsaw, which had been and still remained the capital of the Congress Kingdom of Poland, the name of the Vistula Land given to it being only nominal. From any point of view, another expression, “the affairs of the former Kingdom of Poland,”³⁹ also seems vulnerable, since the author himself was not able to demonstrate the “transformation of the Kingdom of Poland into the Vistula Land” he promised to his readers.

The two chapters that conclude the monograph by M. Rolf can be perceived as a single whole to a certain extent, especially bearing in mind that the last of them includes the conclusion of the book. Having sacrificed the first five years of the century, which seemingly did not have much to do with what would soon shake the empire, the author concentrated his primary attention here on the Revolution of 1905–07 in the Congress Kingdom of Poland, or rather, on how the results of the Revolution were reflected in the status of the Polish lands under the rule of St Petersburg. As noted by the author, in the context of party and political differences within Polish society and the intensification of the confrontation between the Polish socialists and the imperial center, the Warsaw governor general

was interested in making contact with those parts of Polish society that at least supported a withdrawal from the armed struggle against imperial domination.⁴⁰

However, as Rolf hastens to remind, it cannot be argued that

after the October Manifesto, a noticeable distance remained between the representatives of the St. Petersburg’s regime and the Polish national democrats.⁴¹

Along with this, he considers it necessary to emphasize not only “the tolerance of the imperial authorities – they almost did not interfere with the activities of the *Endecja*”⁴² – but also the fact that

---

³⁸ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 272.

³⁹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 153.

⁴⁰ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 444.

⁴¹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 443.

the tsarist authorities allowed a surprisingly open debate about the reforms that were needed in order to deal with the problems the land was facing.⁴³

Switching from political battles to peaceful affairs, the author unfolds a panorama of the transformations taking place in the Congress Kingdom of Poland, from relaxation of the rules “in the field of printing and publishing” to issuing “permits for the establishment of clubs and societies that did not set themselves openly political goals.”⁴⁴ On this basis, Malte Rolf rightfully argues that “the activation of the public was no longer viewed by the tsarist authorities as the main threat to the existing order.”⁴⁵ So, once again we have to raise the same question. Did the transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land happen?

Analyzing the status of the Polish lands under the rule of St Petersburg, M. Rolf quite reasonably states that

the political culture that existed in the Congress Kingdom of Poland after 1906 did not in any way contribute to the integration of the land into the general imperial whole. . . . The empire as a general context hardly ever became the subject of reflection in the Polish-language press in the last pre-war years.⁴⁶

Taking into account the evidence given in the monograph, it should be recognized that

in the pre-war years, the tsarist officials had a growing understanding that although the Vistula Land was pacified from the militarily point of view, its further unification, or even more organic fusion with the Russian lands was hardly possible.⁴⁷

It is unlikely that any objections can be raised to M. Rolf’s assessment of the manifesto of Grand Duke Nikolai Nikolaevich of August 1, 1914. This document is curious in its own way, but it testifies only to the inconsistency of the situation around the attempts to resolve the Polish issue in wartime conditions.⁴⁸

---

⁴² Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 448.

⁴³ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 450.

⁴⁴ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 451.

⁴⁵ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 453.

⁴⁶ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 485.

⁴⁷ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 485–86.

⁴⁸ L.M. Arzhakova, “The Polish question in 1914 (according to ‘Memoirs’ by G.N. Mikhailovsky)” [in Russian], *Vestnik SPbGU. Seriya 2. Istoriya*, no. 4 (2012): 68.

Looking at the situation through the eyes of an imperial official and leaving aside individual episodes of contacts in the conflict community, M. Rolf, is forced to admit that

the Vistula Land and the Western Provinces were the spaces characterized by national antagonism, where the topos of the “rebellious Pole” became a reality, reinforced by everyday experience of service.⁴⁹

Summing up the results of his research and examining the Romanov monarchy through the prism of the *new imperial history*, the author – without further ado – prefers to emphasize the characteristics that can be equally “applicable to the relationship between the center and the periphery in the colonial and great powers.”⁵⁰

Undoubtedly, the research undertaken by M. Rolf turns out to be an organic content-based unity, but this does not mean that it is free from chaotic and eclectic presentation (which can hardly be appealing, unlike, for example, eclecticism in architecture). Obvious weaknesses and miscalculations are mainly concentrated in the second chapter “Establishment of Russian Rule over the Eastern Part of Partitioned Poland (1772–1863)” (pp. 39–124), which precedes the main content of the book. Particular attention is drawn to the chronological framework, shifted by the author not only in comparison with the original German version of the book (1864–1915) but even in comparison with the title of the extended Russian version, “from the Congress of Vienna to the First World War.” Of course, a rather brave move chosen by the author of the monograph imposes increased responsibility on him because, being within the limits of the 18th century (which is not close to him in spirit, as far as can it be judged), he touches upon a very complex era, the intricate code of which was attempted to be deciphered by more than one generation of Polish historians (and not only them). Being beautiful and tragic at the same time, poetically called *Stanisław’s era*, saturated with energetic searches and considerable success of the Polish Enlightenment figures headed by King Stanisław August Poniatowski, this era, nevertheless, one by one absorbed the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth, due to which Polish historical memory perceives it as trauma.⁵¹

---

⁴⁹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 522.

⁵⁰ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 529.

⁵¹ A.G. Vasil'ev, “Memorialization of trauma in cultural memory: ‘The fall of Poland’ in Polish historiography of the 19th century” [in Russian], in *Images of time and historical representations: Russia – East – West*, edited by L.P. Repina (Moscow: Krug, 2010), 813–43; A.G. Vasil'ev, “‘The fall of Poland’ and models of trauma memorialization” [in Russian], in *Crises of critical epochs in historical memory*, edited by L.P. Repina (Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2012), 215–48; A.G. Vasil'ev, “‘Origins’ and ‘partitions’: event and memory in the Polish historical grand-narrative of the Age of Partitions” [in Russian], in *Event and time in European historical culture of the 16th – early 20th centuries*, edited by L.P. Repina (Moscow: Akvilon, 2018), 385–418.

Is there any reason to say that the reader's expectations have been met and the German author has managed to highlight new significant features of this internally contradictory and hard-to-define era of Polish history? Definitely not. Already the first part of this chapter "The Period of Partitions, the Duchy of Warsaw, and the Congress of Vienna (1772–1815)" (pp. 40–58), which takes up less than twenty pages of almost six hundred pages of the text of the monograph, raises not just questions but protest. Who knows what A. Miller meant (and what he anticipated), when he incautiously suggested that his German colleague should "also include in the book some sections about the earlier stages of Russian domination in the territory of the former Polish-Lithuanian szlachta republic?"⁵² And from what time should the Russian domination in the Polish-Lithuanian lands be dated?⁵³ One way or another, as a result of such a wide chronological and thematic scope, Malte Rolf failed "to present a more complete picture of the history of Partitioned Poland under the rule of St Petersburg"⁵⁴ as he intended to do. Lacking a solid source base and a broad historiographical basis, this chapter is secondary in nature. Apparently, the experiment, which ended in failure for the author, can question the validity of I. Narskii's observations in many ways: the format of the second chapter of the monograph does not allow us to agree that

rejecting the linear, illusory holistic and consistent presentation, which is traditional for old national histories, M. Rolf chooses a "situational approach."⁵⁵

Moreover, judging by the Rolf's initial intention to cover "the entire' history of the Kingdom of Poland under the rule of Russia,"⁵⁶ he is not at all inclined to unconditionally abandon the "illusory holistic and consistent presentation" in favor of a situational approach. Quite the opposite. And it is not the point that the compact (as brief as possible) historiography on which the author relies in this chapter contains many gaps and does not save the day. It may seem that Rolf's initial focus on other subjects and times would free him from the immersion in the problems not directly related to those stated in the monograph, but he did not escape the temptation of "illusory holistic and consistent presentation." A concerned reader has the right to expect from the new monograph, ready to take its place in the huge historiography of the history of Poland and the history of Russia in the 19th – early 20th centuries, a

---

⁵² Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 7.

⁵³ See, e.g., B.V. Nosov, *Establishment of Russian domination in the Polish-Lithuanian Commonwealth. 1756–1768* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2004).

⁵⁴ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 7.

⁵⁵ I.V. Narskii, "On the role of the symbolic dimension of the historical process: reading Malte Rolf's book about the Polish Lands under the authority of St. Petersburg" [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*, no. 4 (51) (2020): 157.

⁵⁶ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 7.

new, purely author's view, author's observations, and author's reflections, and these expectations have been rewarded in many respects. But the reader could hardly expect that a solid monograph would remind him of the years of the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth and then quickly and concisely tell him about each of them; that the Seven Years' War and sinister plans of the union of the Three Black Eagles would be hardly touched upon; that the circumstances of Stanisław August Poniatowski's accession to the throne, ups and downs of the last Polish king, the first great Polish uprising with Kościuszko at the head, and the principle of liberum veto, to which Władysław Konopczyński dedicated a monograph (Kraków, 1918), would be mentioned tersely, taking up only 8 pages (pp. 40–48).

Among other things, some controversial theses arouse considerable protest: “the preliminary stage of the Partition of Poland,”⁵⁷ “the initiative to implement a joint strategy aimed at the partition of Poland. . . came primarily from Prussia,”⁵⁸ “a way to keep Poland in agony,”⁵⁹ “occupation and integration of Polish territories.”⁶⁰ In a similar way, the author presents further development of events: after the partitions of the Commonwealth, he outlines the Duchy of Warsaw together with Napoleon (pp. 50–58) and then immediately passes to the Congress of Vienna and its decisions (pp. 58–84). Only approaching the middle of the century, the author becomes more confident and seems to be relieved to turn away from the turbulent events of the 18th century and its tragic consequences for the Poles.

Was it necessary to extend the chronological borders without filling the resulting space with original content? Probably not. Moreover, it does not give us any reasons for describing the author of the monograph under review as “an increasingly rare type of scientists who feel free in more than one field of knowledge,”⁶¹ as N.B. Vakhtin wrote about Tomasz Kamusella. It is sufficient for the author to be impeccable in his own field. And of course, showing respect for the reader and colleagues, the author should have been impeccable when preparing the bibliography, which requires more careful attention, since it contains some misleading information that reproduces inaccuracies in the footnotes. For instance, let us point out that P. Glushkovskii is the author of the monograph about Thaddeus Bulgarin and L. Gorizontov was not his co-author, as indicated in the bibliography.⁶² M. Kulik is not the author of *Poland and Russia in the first third of the 19th century. From the history of the autonomous*

---

⁵⁷ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 41.

⁵⁸ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 43.

⁵⁹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 44.

⁶⁰ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 49.

⁶¹ N.B. Vakhtin, Review of *The politics of language and nationalism in modern Central Europe* by Tomasz Kamusella, Houndmills; N.Y., Palgrave Macmillan, 2008 [in Russian], *Antropologicheskii forum*, no. 18 (2013): 333–38.

⁶² Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 540.

*Kingdom of Poland. 1815–1830*⁶³ but only a reviewer of this monumental collective work; and it is disappointing that one cannot find the significant Russian monograph dedicated to the partitions of Poland⁶⁴ in the bibliography.

However, in all fairness, it must be said that omissions in historiography in our global world are almost inevitable. As Christophe Charle ironically wrote in his review of the collection *Global Intellectual History* (2013),

Global history, whether intellectual or not, will exist only if the cited scientific works are not limited to those that are available in English and to those that are stored in American libraries, no matter how rich they are.⁶⁵

However, it is pleasant that in general Malte Rolf successfully overcame the resistance of the head tide of time when he began to move in the reverse direction, having taken the 20th century as a starting point. Despite the fact that the theses declared by the author on a number of issues are controversial, his monograph is an example of in-depth analysis of management strategies and practices of a genetically alien power, which St. Petersburg was in the Polish lands.

Список литературы

Андреева Т.В. Трансформация имперской политики в Польше от конституционализма к бюрократической централизации // Вестник СПбГУ. Серия: История. 2020. Т. 65. Вып. 3. С. 721–749.

Аржакова Л.М. Польский вопрос в 1914 году (по «Запискам...» Г.Н. Михайловского) // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2012. Вып. 4. С. 68–76.

Васильев А.Г. Мемориализация травмы в культурной памяти: «Падение Польши» в польской историографии XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Кругъ, 2010. С. 813–843.

Васильев А.Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 215–248.

Васильев А.Г. «Истоки» и «разделы»: событие и память в польском историческом гранд-нарративе эпохи разделов // Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Аквилон, 2018. С. 385–418.

---

⁶³ Rolf, *Polish Lands under the rule of St. Petersburg*, 541.

⁶⁴ P.V. Stegnii, *Partitions of Poland and diplomacy of Catherine II. 1772, 1793, 1795* [in Russian] (Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002); see also *Poland and Europe in the 18th century. International and domestic factors of the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth* [in Russian], ed. B.V. Nosov (Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 1999).

⁶⁵ Ch. Charle, Review of *Global Intellectual History*, ed. S. Moyon and A. Sartori, New York, Columbia University Press, 2013, *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, vol. 64–3, is. 3 (2017): 219–21.

Вахтин Н.Б. Рецензия на книгу: Tomasz Kamusella. The Politics of Language and Nationalism in Modern Central Europe. Houndmills; N.Y.: Palgrave Macmillan. 2008 // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 333–343.

Исаев В.И. Рецензия на книгу: Malte Rolf. Das Sowjetische Massenfest. Hamburg: Hamburger Edition, 2006. 454 S. Мальте Рольф. Советский массовый праздник. Гамбург. 2006 (На немецком языке) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2008. Т. 7, № 1: История. С. 260–262.

Нарский И.В. О роли символического измерения исторического процесса: читая книгу Мальте Рольфа о польских землях под властью Петербурга // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2020. Вып. 4 (51). С. 156–162.

Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. Москва: Индрик, 2004. 728 с.

Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой / ответственный редактор Б.В. Носов. Москва: Институт славяноведения РАН, 1999. 228 с.

Рольф М. Советские массовые праздники. Москва: РОССПЭН, 2009. 438 с.

Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. Москва: Международные отношения, 2002. 696 с.

Урушадзе А., Гром О., Дмитриева Н. Российская империя и национальные окраины: между теорией самодержавия и практикой управления // Quaestio Rossica. 2018. Vol. 6, № 3. P. 835–853.

Charle Ch. Review Global Intellectual History / edited by S. Moyon, A. Sartori. New York: Columbia University Press, 2013 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2017. Vol. 64-3, issue 3. P. 219–221.

Golczewski F. Review of Rolf Malte. Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium 1864–1915 // H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. November, 2015. Berlin: de Gruyter Oldenbourg, 2015. URL: <https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=45699> (дата обращения: 25.11.2021)

Kamusella T. The Russian *Okrainy* (Окраины) and the Polish Kresy: objectivity and historiography // Global Intellectual History. 2018. Vol. 4, issue 4. P. 347–368.

Schiller-Walicka J. Recenzja: Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915) // pol-int. 2015. URL: <https://www.pol-int.org/pl/node/2057#r5699> (дата обращения: 25.11.2021)

Seegel St. Review of Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915). München: De Gruyter, 2015 // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2016. Vol. 65, no. 2. S. 290–291.

References

Andreeva, T.V. “Transformatsiya imperskoi politiki v Pol'she ot konstitutsionalizma k byurokraticheskoi tsentralizatsii” [Transformation of imperial politics in Poland from constitutionalism to bureaucratic centralization]. *Vestnik SPbGU. Istoriya*, vol. 65, no. 3 (2020): 721–49. (In Russian)

Arzhakova, L.M. “Pol'skii vopros v 1914 godu (po ‘Zapiskam...’ G.N. Mikhailovskogo)” [The Polish question in 1914 (according to ‘Memoirs’ by G.N. Mikhailovsky)]. *Vestnik SPbGU. Seriya 2. Istoriya*, no. 4 (2012): 68–76. (In Russian)

Charle, Ch. Review of *Global Intellectual History*, ed. S. Moyon and A. Sartori, New York, Columbia University Press, 2013. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, vol. 64–3, issue 3 (2017): 219–21.

Golczewski, F. “M. Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland.” Review of *Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium 1864–1915* by Malte Rolf, Berlin, de Gruyter Oldenbourg, 2015. H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. November, 2015. Accessed November 25, 2021. <https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=45699>

Isaev, V.I. “Rets. na kn.: Malte Rolf. Das Sowjetische Massenfest. Hamburg: Hamburger Edition, 2006. 454 S. Mal'te Rol'f. Sovetskii massovyi prazdnik. Gamburg. 2006 (Na nemetskom yazyke)” [Review of *Das Sowjetische Massenfest* by Malte Rolf, Hamburg, Hamburger Edition, 2006]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya*, vol. 7, no. 1, *Istoriya* (2008): 260–62. (In Russian)

Kamusella, T. “The Russian Okrainy (Окраины) and the Polish kresy: objectivity and historiography.” *Global Intellectual History*, vol. 4, issue 4 (2018): 347–68.

Narskii, I.V. “O roli simvolicheskogo izmereniya istoricheskogo protsessa: chitaya knigu Mal'te Rol'fa o pol'skikh zemlyakh pod vlast'yu Peterburga” [On the role of the symbolic dimension of the historical process: reading Malte Rolf's book about the Polish Lands under the authority of St. Petersburg]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 4(51) (2020): 156–62. (In Russian)

Nosov, B.V. *Ustanovlenie rossiiskogo gospodstva v Rechi Pospolitoi. 1756–1768 gg.* [Establishment of Russian domination in the Polish-Lithuanian Commonwealth. 1756–1768]. Moscow: Indrik, 2004. (In Russian)

Pol'sha i Evropa v XVIII veke. Mezhdunarodnye i vnutrennie faktory razdelov Rechi Pospolitoi [Poland and Europe in the 18th century. International and domestic factors of the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth], edited by B.V. Nosov. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 1999. (In Russian)

Rolf, M. *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass festivals]. Moscow: ROSSPEN, 2009. (In Russian)

Schiller-Walicka, J. Recenzja: Malte Rolf: *Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)*. Polonoznawstwo Interdyscyplinarne (Pol-Int), 2015. Accessed November 25, 2021. <https://www.pol-int.org/pl/node/2057#r5699>

Seegel, St. “Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland.” Review of *Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)* by Malte Rolf, München, De Gruyter, 2015. *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, vol. 65, no. 2 (2016): 290–91.

Stegnii, P.V. *Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II. 1772, 1793, 1795* [Partitions of Poland and diplomacy of Catherine II. 1772, 1793, 1795]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. (In Russian)

Urushadze, A., O. Grom, and N. Dmitrieva. “Rossiiskaya imperiya i natsional'nye okrainy: mezhdru teoriei samoderzhaviya i praktikoi upravleniya” [The Russian Empire and the national periphery: between the theory of autocracy and management practices]. *Quaestio Rossica*, vol. 6, no. 3 (2018): 835–53. (In Russian)

Vakhtin, N.B. Review of *The politics of language and nationalism in modern Central Europe* by Tomasz Kamusella, Houndmills, N.Y., Palgrave Macmillan, 2008. *Antropologicheskii forum*, no. 18 (2013): 333–43. (In Russian)

Vasil'ev, A.G. “‘Istoki’ i ‘razdely’: sobytie i pamyat' v pol'skom istoricheskom grand-narrative epokhi razdelov” [‘Origins’ and ‘partitions’: event and memory in the Polish historical grand-

narrative of the Age of Partitions]. In *Sobytie i vremya v evropeiskoi istoricheskoi kul'ture XVI – nachala XX veka* [Event and time in European historical culture of the 16th – early 20th centuries], edited by L.P. Repina, 385–418. Moscow: Akvilon, 2018. (In Russian)

Vasil'ev, A.G. “Memorializatsiya travmy v kul'turnoi pamyati: ‘Padenie Pol'shi’ v pol'skoi istoriografii XIX veka” [Memorialization of trauma in cultural memory: ‘The fall of Poland’ in Polish historiography of the 19th century]. In *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad* [Images of time and historical representations: Russia – East – West], edited by L.P. Repina, 813–43. Moscow: Krug", 2010. (In Russian)

Vasil'ev, A.G. “‘Padenie Pol'shi’ i modeli memorializatsii travmy” [‘The fall of Poland’ and models of trauma memorialization]. In *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati* [Crises of critical epochs in historical memory], edited by L.P. Repina, 215–48. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2012. (In Russian)

Информация об авторе

Аржакова Лариса Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник; larjak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8260-4101>, Институт славяноведения РАН (119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А)

Information about the author

Larisa M. Arzhakova – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher; larjak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8260-4101>, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (32-A, Leninskii prospect, Moscow, 119991, Russia)

Статья поступила в редакцию 16.06.2021; принята к публикации 09.08.2021.
The article was submitted 16.06.2021; accepted for publication 09.08.2021.